

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ПЕСНЯ, ЗОВУЩАЯ НА ПОДВИГ

Штрихи к портрету Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, народного артиста СССР генерал-майора Бориса Александрова

ФРОНТ ЗАТИХАЛ и ночи. В землянку доносились только глухое, тревожное громыханье. Над столом склонился человек. Колеблющиеся пламя «натянуло» выхватывало то окружность щеки, то майорский погон, то пальцы, пробегающие по щербатой столешнице, кан по невидимой инвалиатуре.

Майор потянулся к полевой сумке, вытащил карандаш, линованный в пять линеек блокнот, выбел завиток скрипичною ключа и привычной скорописью принял набрасывать нотные знаки, чуть слышно напевая при этом: «Лейся, песня боевая, на родной солдатский лад, кан гвардейская Седьмая...»

А где-то далеко пылали театральные лампионы, шла «Свадьба в Малиновке», и юный мальчишка вслед ходил над проделками яшина-артиллериста, над бестолковым Попандопуло и прятал слезы на щемящее-красивую мелодии: «Как дивчина провожала друга-партизана...»

Кто бы мог поверить тогда, что дороги двух людей, так разделенных возрастом и расстоянием, когда-нибудь пересекутся, и точкой их пересечения станет кабинет начальника — художественного руководителя Краснознаменного ансамбля: однажды, не веря своей удаче, я друг услышу — «А переходите-ка вы на работу к нам, есть должность заведующего репертуарной частью». И в течение многих лет путь, могу наблюдать таинство творческого процесса — таинство, не видимое ни зрителям, ни критике, ведь перед их глазами предстает лишь его конечный результат: концерт.

А НСАМБЛЬ был тогда на гастролях в Египте. За рубеж я попал впервые, погружаясь в экзотику захлестнула, но скоро затосковал по хмурому апрельскому небу, мелкому дождичку, смывающему с парковых дорожек юрьевки тающего снега... Александров это заметил:

— Ну что, загрустил? Не смущайся, все мы дни до дома считаем...

— Ты же знаешь, — продолжал Борис Александрович, — у меня из окна Москва-река, Кремль — как на ладони. Утром солнце купола вызолотит, реку малиновым светом вальяж... Красота-то какая! Прям Мусоргский! Ничего выдумывать не надо, родная земля все тебе сама расскажет, ты только голос ее слушать умея, связи с ней не теряй.

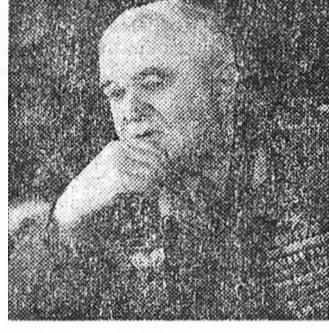
Отец мой, Александр Васильевич, в Петербург, как говорится, в лаптях пришел из рязанской деревеньки Плахино. Профессор, генерал — всего этого он уже при Советской власти достиг. А что он больше всего на свете любил? Народную песню.

Выпало, на даче под Москвой вечером выйдет — а с полей песня летит. Он замрет, слушает — и глаза у него светятся. Скажет: вот поют так поют. Чистая какая-то интонация! Народ — сила...

Одно слово — Родина. От нее и жизнь наша, и музыка, и все-все...

Я вспомнил этот разговор, когда в Зале имени Чайковского звучала кантата Б. Александрова «Тебе присягаем, Отчизна!». Один из ее эпизодов живописует рассвет над Москвой — широко, раздельно и нежно. Высоко взвесился голос Евгения Беляева, мощно звучал хор ансамбля, перекликались с ним чистые дисканты и альты детского хора. И Александров тепло улыбался им, взмахивая дирижерской палочкой.

Другой разговор тоже связан с работой над этой кантатой. Ансамбль вы-

И все это время хотелось постичь причины удивительной жизнестойкости того, что делает Б. Александров, будь то его собственное сочинение, будь то трактовки произведений, написанных другими. Десятитиатами они не теряют блеска, свежести, всякий раз обрачиваясь всем новыми гранями. Чье сердце не дрогнет, услышав: «Шли солдаты, шли солдаты защищать свою страну...» или «Над Москвой чудесной, над любимой землей лежит радостная песня о нашей стране молодой...»?

Впрямую говорить об этом с Александровым бесполезно — только отмахнется. Но бывало, что в каких-то неординарных обстоятельствах он вдруг «приоткрывался», пополняя монологи. Вот кое-что из этих записей, не претендующих, конечно, на открытие, но, может, склоняя «приподнимающих занавес», я и хочу предложить читателям сегодня, в день 80-летия Бориса Александровича.

ехал в войска Белорусского военного округа. В одной из частей мы застали торжество принятия военной присяги. Четкий строй солдат, проникновенные слова клятвы на верность Отечеству, трепет распахнутого знамениного щелка не могли не взволновать душу художника.

— Вот о чем писать-то надо! — назидательно сказал Борис Александрович, ни к кому, собственно, не обращаясь. Может — самому себе?

Эта картина стала первым эпизодом и тематическим стержнем кантаты. Хор начинал откуда-то издали, глубоким пианиссимо, постепенно поднимая звучание до громового форте. И долго под сводами зала гремело выдохнутое сотней голосов: Клянусь!

А там, в части, Александров долго еще не мог «остаться»:

— Какое торжество! А когда замыкающая рота с песней шла? Поют чисто, стройно, с душой, — почти повторил он отцовскую фразу. — Наш солдат исстари с песней ложится, с песней встает.

Я в первый раз, знаешь, как солдатскую песню услышал? В Твери, мальчишкой. Купаться мы пошли, а на том берегу — казармы. Солдаты грянули «Вдоль да поперек» — у меня и дух захватило: вально, забористо, с таким вкусом! Так и осталась в памяти как этalon.

Вот говорят обо мне: Александров — армейский композитор. Ну что значит — армейский, рабочий, колхозный?.. Ведь у меня есть и «исармейские» вещи: концерты — для трубы с оркестром, фортеинный, «Русская фантазия», оперетты, тот же балет «Левша». Дело в другом: каждому сердцу ближе всего что-то свое.

А что музыка, песня — тоже оружие могучее — я во времена войны убедился. Особенно по мотострелков 7-й гвардейской Сталинградской бригады. Тогда, в сорок третьем, с наими в поездке был поэт Осип

Колычев. Написал он стихи, я закрылся в штабной землянке — и перед концертом группа уже разучила новую песню, «как гвардейская Седьмая защищала Сталинград». Представляешь: солдаты тут же стали вторить хору, подхватывали ее — и потом уже запевали в строю. Шли в бой, на передовую — с песней.

Там, на фронте, меня призывали в партию...

Борис Александрович умолк, ушел в себя. Заморосил дождь, я потянул его под крышу, а он вдруг рассмеялся:

— Вспомнил Дальний Восток!

Выступление то было своеобразным. Таежная поляна. Зрителя — прямо с марша, а потом сноя — марш и удар с ходу по укрепленной обороне «противника». Борис Александрович спросил командира, стоит ли давать концерт, может, людям лучше отдохнуть? Тот заполовался: «Да что вы, всю дорогу только о концерте и разговоров было!»

И надо же — как только Александров поднял палочку, хлестнул ливень. Но солдаты не расходились, будто не замечали. Я глядел, как в рукавах мундира дирижера скапливалась вода — и при резком взмахе выплескивалась на ближайшего музыканта, и, честное слово, не мог удержаться от смеха. А закончился концерт — и дождь перестал.

— Я ведь встретил потом того командира, — сказал Александров. — Спасибо, говорит, вы нам такой боевой настрой создали, что задачу мы выполнили на отлично. Так что считайте, хоть в учебном бою, но вы с нами тоже сражались!

Сражались... Многие даже и не догадываются, в какой обстановке часто приходится действовать художественному руководителю ансамбля: в идеологической борьбе не бывает перемирий. Однажды на гастролях в Канаде сразу после исполнения гимна страны пребывания, когда должен был зазвучать Гимн Советского Союза, «случайно» вырубилась вся звукоаппаратура. В отблесках дежурных ламп было видно, как закаменело сурговой маской лицо Александрова. Он подбадривающе кивнул артистам, дал вступление и... Я знал мощь краснознаменцев, но такой звучности и предположить не мог. Дворец спорта, забитый тысячами зрителей, не имеющий ни намека на акустику, буквально гремел. Бой был выигран, и, если бы даже ансамбль не спел больше ничего, Александровцы, артисты-солдаты, навсегда остались в памяти потрясенных слушателей.

А ЭТО БЫЛО в конце семидесят четвертого. В ансамбль пришел поэт Владимир Харитонов, с которым меня связывало старое добре знакомство.

— Скоро юбилей Победы, — напомнил он. — У меня есть стихи, они могут, по-моему, подойти для Краснознаменного.

Стихи начинались словами: «День Победы, как он был от нас далек...» Но некоторые строки смущали меня: «Мрачновато немного, ведь День Победы — это все же праздник...» «Праздник? — возразил поэт-фронтовик. — Ты что, не понимаешь, что это праздник со слезами на глазах? — и осекся, уловив в своих словах хорошую строчку...

Когда стихи были полностью готовы, показали их Борису Александровичу. Он предложил позвонить Давиду Тухманову:

— Молодой, интересный, думающий композитор. Уверен, он предложит нестандартное решение.

И вот 8 мая, премьера.

— Давид Тухманов, стихи Владимира Харитонова. «День Победы». Солист Эдуард Лабковский. Песня исполняется впервые, — объявил ведущий.

Отозвучал последний аккорд — и на нас обрушилась тишина. Долгая, немая.

И — буря, шквал аллюдисментов. Слыхал я рассказы о подобных случаях, но сам такое видел впервые!

А ведь сколько было споров, когда Тухманов показал песню в Союзе композиторов! Против нее восставали солидные авторитеты. Но Александров был тверд:

— Настоящая песня!

Как много выпустил о я в большую жизнь из своих дирижерских рук! Арам Ильич Хачатурян говорил: «Принесешь песню, а она попадает как в творческую мясорубку и претерпевает такие изменения, что удивляешься, услышав ее, обновленную, в концерте». Ведущие советские композиторы считают гордостью своей прозвучать в исполнении краснознаменцев.

А к сороковому юбилею Победы ансамбль выпустил две специальные программы. Этот концертный сезон стал рекордным по продолжительности: начался 1 августа прошлого года и закончился... вчера. Армейские артисты объехали немало городов страны, побывали в войсках Прикарпатского, Одесского, Московского, Забайкальского военных округов, участвовали в грандиозном песенном празднике в Литве, выступали в ГДР, Чехословакии, Испании.

В перерыве между двумя поездками удалось повидаться с Александровым.

— Скоро ваш юбилей, Борис Александрович!

— Подвожу кое-какие итоги, — улыбнулся он и показал мне свою книжку «Песня зовет», вышедшую в «Молодой гвардии». Раскрыл где-то в конце и прочитал:

— Мы видели северное сияние, находясь за Полярным кругом, окунали руки в студеные волны Байкала, проезжая знаменитым Баргузинским трактом, опускались вместе с рабочими в уральские рудники, шахты Куэбасса, видели плавку в домах Магнитогорска, оставили автографы на памятном костыле, вложенном в железнодорожное полотно БАМа, встречали рассвет на Сахалине, провожали солнце у наших западных границ. Кушка — на дальнем южном рубеже, Курилы — на восточном, легендарная Брестская крепость — на западном, Чукотка — на северном слышали песни дважды Краснознаменного ансамбля.

Александр Васильевич Александров всегда говорил, что армия сделала его композитором, дирижером, музыкантом и общественным деятелем. Могу сказать, как и отец, что армия воспитала и меня как композитора, сделала дирижером, музыкантом и общественным деятелем. Я благодарен Родине, Советскому правительству и Коммунистической партии за то внимание, которое проявляется к нашему творчеству.

Закрыл книжку, посмотрел привычным — теплым, с долей лукавинки взглядом:

— Юбилей, говоришь, восьмидесятилетие? Юбилей — это праздник. А жизнь продолжается. Жизнь — это работа, творчество, новые песни, новые гастроли. Сколько еще сделать предстоит!

Жизнь — это работа. Но все же хорошо, что в ней бывают и праздники! Так что — с праздником вас, Борис Александрович, с награждением орденом Октябрьской Революции! С нашим общим праздником — праздником всех, кто любит хорошую песню, залихватскую пляску, красивую, звонкую, зовущую вперед музыку.

Э. МИХАЙЛОВ.